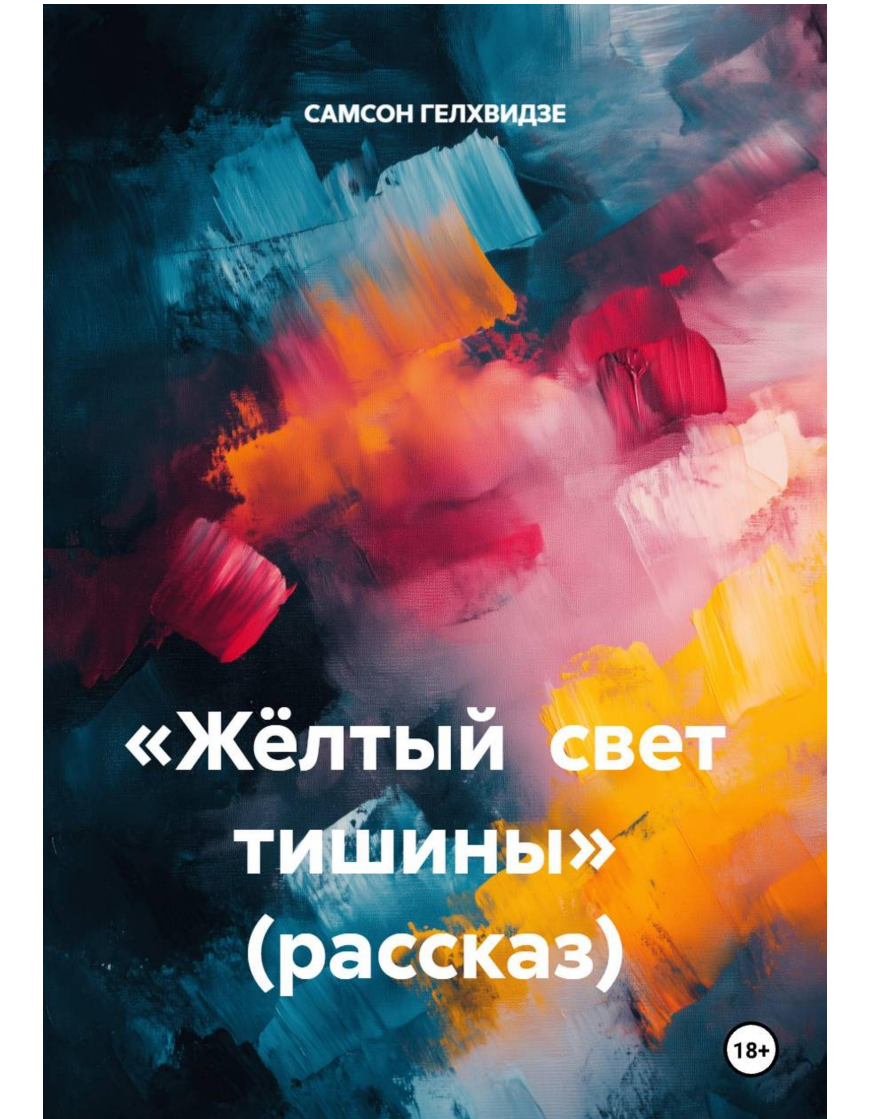

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

**«Жёлтый свет
тишины»
(рассказ)**

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

«Жёлтый свет тишины» (рассказ)

<https://litres.ru/74396237>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ Самсона Гелхвидзе «Жёлтый свет тишины» — это художественно-философское произведение о Винсенте ван Гогe, но прежде всего — о природе художественного восприятия, одиночестве творческого человека и той цене, которую иногда приходится платить за способность видеть мир иначе.

Автор сознательно отказывается от традиционной биографической манеры повествования. Перед нами не последовательная история жизни великого художника и не попытка реконструировать его судьбу исключительно через исторические факты. Ван Гог здесь становится литературным образом — человеком, который воспринимает реальность не так, как большинство окружающих, и постепенно оказывается в пространстве, где внешний мир и внутреннее видение начинают смешиваться.

Именно поэтому рассказ лучше воспринимать не как биографическую повесть, а как философскую художественную интерпретацию образа Ван Гога.

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

«Жёлтый свет тишины» (рассказ)

«Жёлтый свет тишины» (рассказ)

Глава 1

Человек, который слышал цвет

Он всегда немного опаздывал.

Не потому что был рассеянным — и не потому что не умел жить по времени. А потому что время для него не совпадало с тем, как его измеряли другие.

Пасторская семья ожидала от него спокойной судьбы. Простой. Правильной. Почти незаметной. В мире, где всё было уже заранее распределено, у него должна была быть понятная дорога: служение, уважение, предсказуемость.

Но с самого начала в нём было что-то, что не соглашалось на предсказуемость.

Он смотрел на людей так, как будто пытался увидеть не их поведение, а их внутренний свет. И часто этот свет не совпадал с тем, что говорили их лица.

Иногда он задерживал взгляд на одном предмете слишком долго — на дереве у дороги, на грязной сте-

не, на тусклом окне, на руках шахтёров, возвращающихся после смены.

И в этих задержках было что-то тревожное для окружающих. Будто он слышал то, что другим не было дано даже заметить. Позже он сам скажет себе — или напишет, уже не важно: не все вещи видимы глазами. Иногда они слышатся. Иногда — давят изнутри, пока не находят форму.

Пока он ещё не был художником, он был человеком, который слишком внимательно смотрел на жизнь. И жизнь, как это часто бывает, начала отвечать ему тем же — слишком внимательно.

Первое место, где это стало особенно заметно, было не Париж и не Арль.

Это был тихий, тяжёлый мир бедности и труда — шахтёрские поселения, где воздух был плотным, а лица людей выглядели так, будто они уже давно перестали удивляться чему-либо.

Он ходил среди них не как наблюдатель. А как человек, который пытается понять, почему боль у всех одинаковая, но выражается по-разному.

Он рисовал, сначала плохо, потом настойчиво. Потом так, будто от этого зависело не искусство, а возможность удержать реальность от распада.

Люди смотрели на его рисунки с недоумением. — Почему они такие тяжёлые? — спрашивали.

Он не умел отвечать красиво.

— Потому что они настоящие, — говорил он.

И в этих словах уже было начало его пути, не как художника, а как человека, который постепенно перестаёт быть частью обычного мира. Вечерами он долго не мог остановить мысли. Они не были словами. Скорее — образами, которые не давали покоя. Цвета, которые не существуют в природе, но существуют внутри ощущения.

Линии, которые не копируют мир, а спорят с ним. Иногда он закрывал глаза и видел не темноту, а движение. Будто внутри него кто-то продолжал рисовать даже тогда, когда руки уже остановились. И тогда он ещё не знал, что самое главное в его жизни уже началось. Не успех. не признание, а постепенное расхождение между тем, как видит он, и тем, как видит мир. И это расхождение со временем станет не просто особенностью, а судьбой.

Глава 2

Жёлтый дом и обещание света

Арль встретил его не как город, а как вспышку. После серых улиц и тяжёлого воздуха севера юг Франции казался почти нереальным — слишком ярким, слишком открытым, слишком честным в своём солн-

це. Здесь свет не просто освещал предметы, он как будто проникал внутрь них, вытаскивая наружу то, что обычно скрыто.

И именно это его не успокаивало — а тревожило. Он приехал сюда с идеей, которая казалась ему почти естественной, как продолжение дыхания: создать место, где художники смогут жить и работать вместе. Не одиночные фигуры в разрозненном мире, а что-то вроде маленького сообщества света и работы. Жёлтый дом он нашёл почти случайно.

Небольшое здание, простое, без претензии, но с этим странным оттенком, который менялся в зависимости от времени дня. Утром он был почти белым, днём — золотым, вечером — густым, почти горящим.

Он смотрел на него долго. Слишком долго, как это уже стало его привычкой.

— Здесь, — сказал он тихо, будто уже кому-то, кто должен был услышать, хотя вокруг никого не было.

Внутри дома было пусто. Эхо шагов казалось громче, чем должно было быть, а окна смотрели на улицу так, будто ещё не решили, будут ли они пропускать свет или удерживать его. Он представлял, как здесь будут работать другие художники, разговаривать, спорить, молчать. Жить рядом, не растворяясь друг в друге. И в этом было что-то почти наивное. Но именно такие идеи обычно и становятся самыми болезнен-

ными, когда сталкиваются с реальностью. Он начал писать сразу. Не картины — пространство.

Стены, столы, стулья, угол комнаты, тень от окна. Он пытался не изображать предметы, а поймать ощущение присутствия света внутри них. Жёлтый стал для него не цветом, а состоянием. Он не выбирал его — он в нём оказался. И чем больше он работал, тем меньше оставалось границы между тем, что он видел, и тем, что он чувствовал.

Иногда он выходил на улицу и смотрел на поле, где солнце ложилось тяжело и густо, как будто само небо устало держать этот свет. Люди проходили мимо, кто-то кивал, кто-то не замечал. Но для него каждый момент был слишком полным, чтобы быть просто повседневностью.

И всё же одиночество здесь становилось не легче, а острее. Потому что яркость не спасает от тишины внутри человека. Она только делает её заметнее. В письмах он писал о надежде, о братстве художников. О будущем, которое должно быть не только работой, но и смыслом. И в этих письмах было больше веры, чем у него оставалось сил в реальности.

Иногда он ловил себя на мысли, что разговаривает с миром так, будто тот обязан ответить. Но мир отвечал иначе — не словами, а молчанием обстоятельств.

И это молчание становилось частью его ежеднев-

ной жизни. Однажды вечером он стоял в жёлтом доме и смотрел на пустую комнату. Свет падал под углом, превращая стены в почти живую поверхность. И ему показалось, что если достаточно долго смотреть, можно услышать, как цвет начинает двигаться. Не как иллюзия, а как дыхание.

И в этот момент он ещё не знал, что очень скоро сюда приедет человек, который изменит всё — не потому что принесёт понимание, а потому что принесёт столкновение. И жёлтый свет впервые перестанет быть только надеждой, он станет напряжением.

Глава 3

Два художника и один дом

Гоген приехал в Арль поздно вечером, когда свет уже начал терять свою дневную агрессию и становился густым, почти масляным. Он вышел из поезда уверенно, как человек, который заранее решил, что этот город должен ему подчиниться хотя бы на уровне впечатления. Ван Гог ждал его на перроне.

Он стоял чуть в стороне, как всегда — не из скромности, а из привычки не занимать пространство раньше, чем оно ему “разрешит”.

— Так вот он, юг, — сказал Гоген, оглядываясь. — Честно говоря, ожидал больше хаоса.

— Он внутри, — ответил Ван Гог просто.

Гоген посмотрел на него внимательно, оценивая, как будто не человека, а явление.

— Ты всегда так говоришь?

— Как?

— Как будто вещи уже что-то значат.

Ван Гог не сразу нашёл ответ.

— Они и значат. Просто не всегда то, что мы думаем.

Гоген усмехнулся.

— Это опасная мысль для художника.

— Или единственно честная, — тихо добавил Ван Гог.

Они пошли к Жёлтому дому пешком.

Дорога была короткой, но молчание между ними уже успело стать длиннее, чем расстояние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.